

ВЛАСТЬ КАК СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

Новиков В. Т., г. Минск

При рассмотрении сущности власти возникает ситуация плюрализма дефиниций, обусловленная существованием различных интерпретаций данного феномена. Обратим внимание на концепции, в которых нашли отражение социально-коммуникативные интерпретации феномена власти.

В структуралистской концепции (М.Фуко) власть рассматривается как социальное отношение – своего рода силовое «натяжение», определяющее всю жизнь социума. Это властное отношение укоренено в обществе, создавая ощущение «всеподнадзорности» и являясь способом контроля социума за собственным психическим состоянием. Особенностью современной власти является то, что это – «дисциплинарная власть», обезличивающая человека и превращающая его в объект изучения и воздействия дисциплин – криминологии, психиатрии, медицины, социальных наук. Хотя власть – это отношение, функция, или, как пишет М.Фуко, «не столько владение, сколько действие», она способна локализоваться. Суть локализации власти, составляющей «микрофизику власти», заключается в ее воплощении в разнообразных социальных институтах и учреждениях: в органах управления, тюрьмах, больницах, психиатрических лечебницах, учреждениях образования, проявляя себя, тем самым, как атрибут любого общества. У М.Фуко «само Государство возникает как результат совместного действия или как равнодействующая функционирования множества механизмов и очагов, расположенных на совершенно ином уровне и самостоятельно образующих «микрофизику власти» [1, с.49].

В постструктуралистской концепции (Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Лакан), с характерными для нее утверждениями, что «во всём в мире присутствует власть» и, вместе с тем, что «всё есть речь», также обосновывается универсальный статус властных отношений, хотя обоснование осуществляется на иных методологических принципах. Так, в языке и межличностных коммуникациях, в которых укоренена власть, существуют словесные бинарные оппозиции, за которыми скрываются существующие между людьми социальные противоречия. Это оппозиции «мужчина – женщина», «родители – дети», «начальник

– подчиненный», свидетельствующие о принципиальном неравенстве социальных статусов данных людей. Следовательно, можно говорить о существовании между ними отношений репрессивной власти. Поэтому требует деконструкции сама речь и связанные с ней коммуникативные знаково-символические практики, что должно способствовать радикальному изменению всей социальной жизни. Необходимо отказаться от лежащей в их основе структуры, как иерархически упорядоченной организации. Ее место должна занять ризома – «корневая» система, не обладающая иерархической организацией, в которой отсутствует репрессивная власть, поскольку все элементы по статусу равноценны.

В функционалистской концепции (Т.Парсонс, Т.Кларк), власть квалифицируется как «обобщенный посредник» отношений, подобный деньгам, влиянию, общественному признанию. Иными словами, власть рассматривается как одно из средств, способствующих взаимопониманию людей в обществе, его самоорганизации и бесконфликтному развитию. Власть сама по себе ценности не представляет, поскольку предназначена для достижения общественно значимых целей. Но хотя в этой концепции власть рассматривается не персонифицировано, а как способность социальной системы обеспечивать использование принятых обязательств, направленных на реализацию коллективных целей, тем не менее, характер использования властных полномочий является показателем профессионального и жизненного успеха человека, занятого в той или иной сфере деятельности.

В ролевой концепции (Р. Дарендорф, Д. Мак-Грегор, К. Левин), власть характеризуется как атрибутивное свойство социальных функций – «ролей», которые заключаются в руководстве процессами в обществе со стороны субъектов власти – лидеров. Существует несколько версий данной концепции. Так личностная версия основывается на определении качеств, необходимых руководителю для эффективного управления – как профессиональных (образованность, коммуникабельность, психологическая совместимость, эрудированность, должностная компетентность, организаторский талант, склонность к инновациям и др.), так и личных. Поведенческая версия рассматривает власть как деятельность руководителя,

обеспечивающую решение коллективом задач в соответствии с определенным стилем. Наиболее известной типологией является типология К. Левина (1938 г.), в которой выделяются автократический, либеральный и демократический стили руководства. Важно, что социальная роль, согласно которой живет и действует человек, оценивается им не как навязываемая извне обязанность, а как реализация своего предназначения, как важная грань его социального бытия.

В символической концепции (П. Бурдьё, Э. Кассирер, О. Тоффлер, Х. Арендт) власть понимается, как возможность заявить о себе и утвердить себя во взаимодействии и общении с другими людьми. Основой символической власти является символический капитал, под которым понимается общественная духовная собственность – моральные ценности и нормы, традиции и обычаи, нравы и ритуалы, мировоззренческие установки, социальные идеалы и другие феномены коллективной памяти и духовной культуры общества.

Особое место в структуре символического капитала власти принадлежит знаниям, информации, информационным технологиям, являющимся, которые, однако, функцию капитала выполняют только при наличии двух условий. Во-первых, когда они реально способствуют интеграции людей в коллектив, пробуждению у них коллективного самосознания и мобилизации на достижение социально значимых целей. Последнее обстоятельство следует специально подчеркнуть, поскольку здесь артикулируется возникшая в древности и ставшая *idée fixe* всей моральной философии мечта об активном влиянии образа жизни человека (в нашем случае – общества) в прошлом на качество жизни в настоящем и его потенциальные возможности в будущем.

Во-вторых, чтобы обрести властную функцию, символический капитал должен использоваться в деятельности. Известный французский социолог П. Бурдьё связывает его использование с существованием «габитуса» – усвоенных субъектом схем мышления и действия. «Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в которой он был сформирован. Вследствие этого габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они

воспринимаются непосредственно, как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла» [2,с.193-194]. «Запуск» механизма габитуса способствует реализации властного потенциала символического капитала, ибо, «кто владеет информацией, тот владеет властью».

По мнению разделяющего данную концепцию известного политолога Х.Аренд, власть существует только тогда, когда люди взаимодействуют и общаются друг с другом на основе дискурса – общей социально сформированной системы значений, норм и правил «языка» общения, обеспечивающего взаимопонимание людей. Обладание символической властью проявляется в возможности влияния с помощью смыслов, символов и идей, которые транслирует публике представитель власти. В частности, в политике эффективным и популярным является использование «образа врага» как символа того, что мешает благополучию общества. Владение дискурсом власти – ее символическим капиталом, дает человеку ощущение собственной значимости в глазах окружающих и чувство принадлежности к элите.

Анализ рассмотренных концептуальных интерпретаций власти позволяет лучше понять сущность феномена власти как атрибута деятельности человека, а отношения власти рассмотреть как особую форму социальной коммуникации.

Литература

1. Делёз, Ж. Фуко – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. – 137 с.
2. Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть // П. Бурдые. Начала. – М., Socio Logos, 1994. – С. 181–207.